

Лекция

Футуризм

За месяц с небольшим до появления акмеистических деклараций, в декабре 1912 г. вышел в свет сборник «Пощечина общественному вкусу», открывавшийся программной статьей русских футуристов (футурм — будущее). Ее подписали Д. Бурлюк, Александр Крученых, В. Маяковский, Виктор Хлебников.

В статье обосновывалось место и значение новой группы, ее отношение к предшествующей литературе. Позиция была избрана разрушительная и скандальная. «Только мы — лицо нашего Времени»,— утверждали они. И предлагали: «Сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности». Крупнейших художников начала века именовали «портными». В противовес им устанавливали свои права: «на увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами»; «на непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку»; «стоять на глыбе «мы» среди свиста и негодования». Провозглашалась «Новая Грядущая Красота Самоценного (самовитого) Слова».

Футуристы отрицали грамматику, синтаксис, правописание родного языка, «сокрушали» поэтические ритмы и рифмы, а воспевали «власть новых тем: ненужность, бессмысленность, тайну властной ничтожности». Для чего и необходимо будто бы было придавать содержание словам по их начертательной и фонетической характеристике, считать гласные звуки выражением времени и пространства, согласные — краски, звука, запаха и т. д. Крайний формализм подавался под знаком новаторства. Не менее потрясали названия изданий: «Пощечина общественному вкусу», «Дохлая луна», «Доители изнуренных жаб» и пр.

Трудно разобраться в подобной практике. Помогут в том выступления Маяковского. Он был одним из авторов деклараций. Но чуть позже, с началом первой мировой войны, признал: «...у нас было много трюков только для того, чтобы эпатировать буржуа». И далее: «...под желтыми кофтами гаеров были тела здоровых, нужных вам, как бойцы, силачей»; «футуристами нас окрестили газеты»; «футуризм для нас, молодых поэтов,— красный плащ тореадора...»

А цель какая? И о ней сказал Маяковский, объясняя одно из самоназваний группы — «будетляне»: «Будетляне — это люди, которые будут. Мы накануне». «Стать делателем собственной жизни и законодателем для жизни других — это ль не ново для русского человека? — спрашивал Маяковский и отвечал утвердительно:— Осознание в себе правовой личности — день рождения нового человека». Одновременно намечалось и поле его деятельности — вознести города из пепла, «заполнить радостью выгоревшую душу мира».

Поэт хотел дать в ис-ве средство самовыр-ия, самосознания городской массе, для нее найти по-новому выразительный и близкий язык. А себя и своих единомышленников определил как «десяток мечтателей». Среди них действительно были такие, первый — Маяковский. Другие дальше эпатажа (неприятного

раздражения) читателя, бравады цинизмом не пошли, и имена их не сохранились в литературе. Она создавалась художниками, а не декларациями.

В пр-се тв-ва крайности первоначальных лозунгов изживались. Тем не менее идея — освоить новый словарь, поэтические формы во имя искусства будущего — понималась инд-но и далеко не всегда перспективно.

Футуристическое течение было довольно широко и разнообразно. В 1911 г. возникла группа *эгофутуристов*: И. Северянин, И. Игнатьев, К. Олимпов, В. Шершеневич, Р. Ивнев, Б. Лавренев и др.

- индивидуализм, самоценное «я»,
- желание и воля «Я»,
- воинствующий гедонизм, культ мгновения.

Наиболее активным было объединение «Гилея» (потом названа *кубофутуризмом*): В. Маяковский, Д. и Н. Бурлюки, В. Хлебников, В. Каменский, А. Крученых, Б. Лившиц, Е. Гуро...

Влияние на них оказал живописный ранний футуризм (основанный на фовизме, экспрессионизме – лучисты, беспредметники, кубисты) и лит. итальянский футуризм (Маринетти – «Манифест футуризма» - созд. беспорядок, уничтожить в л-ре «я», отказаться от того, чтобы быть понятым, надо ежедневно плевать на алтарь искусства!)

В Москве появилась (1913) «Центрифуга», в которую вошли Б. Пастернак, Н. Асеев, И. Аксенов.